

Е. П. Чуприна

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА

При расследовании преступлений следователь постоянно взаимодействует с другими субъектами (дознавателем, специалистами, экспертами и т. д.). Чтобы сделать это взаимодействие оптимальным, направленным на наиболее эффективное решение задач уголовного процесса, необходима соответствующая теоретическая база, разработка которой является задачей ученого-криминалиста.

Анализ специальной литературы показывает, что сделаны уже немалые шаги в направлении решения указанной задачи: исследованы некоторые общие вопросы теории взаимодействия участников расследования преступлений, основательно разработаны организационные и тактические основы взаимодействия отдельных пар субъектов, в частности следователя и органа дознания, следователя и специалиста.

Проблема взаимодействия следователя и эксперта самостоятельному исследованию до настоящего времени не подвергалась. Между тем недостаточность теоретических разработок в этой области самым неблагоприятным образом сказывается на результативности и сроках производства экспертиз, назначаемых работниками следствия, и, соответственно, на качестве и сроках предварительного расследования уголовных дел. Данное обстоятельство обуславливает особую актуальность обозначенной проблемы для криминалистической науки и служит серьезным побудительным мотивом к проведению соответствующего теоретического исследования.

Непосредственному изучению проблемы взаимодействия следователя и эксперта должно в обязательном порядке предшествовать выяснение сущности данного явления. В криминалистической литературе этот вопрос не освещается. Мы провели анализ содержания категорий «взаимодействие» и «социальное взаимодействие» и пришли к выводу, что в основе взаимодействия участников расследования преступлений, в том числе следователя и эксперта, лежит обмен их индивидуальных деятельностей¹, который, по мнению Л. Николова, характеризуется тем, что объекты интересов участвующих в нем субъектов совпадают; деятельность каждого из них «имеет значение

положительного или отрицательного условия для деятельности остальных... и может повлиять на последнюю»².

Л. Николов выделяет три основных типа структуры обмена индивидуальных деятельностей, в зависимости от ролевых позиций участников обмена и связей между этими позициями:

1) субъекты выполняют роли соисполнителей одной и той же деятельности;

2) один субъект создает продукт, служащий в качестве предмета или средства деятельности другого субъекта;

3) один субъект находится в положении предмета деятельности другого субъекта³.

Использование данной классификации позволяет выявить и соответствующим образом охарактеризовать процессы взаимодействия, происходящие между следователем и экспертом. Так, в процессе взаимодействия указанных субъектов могут быть реализованы все три типа структуры обмена индивидуальных деятельностей. Примером структуры первого типа является совместная формулировка следователем и экспертом вопросов, которые ставятся на разрешение экспертизы (это непроцессуальная форма взаимодействия, поскольку эксперт становится таковым в процессуальном смысле только после поручения ему проведения экспертизы). Второй тип структуры имеет место, например, в случае заявления и удовлетворения ходатайства эксперта о предоставлении дополнительных материалов. Третий тип структуры находит свою реализацию при допросе эксперта.

Второй тип структуры обмена индивидуальных деятельностей для взаимодействия следователя и эксперта является основным. Он имеет место в каждом случае взаимодействия этих субъектов и может быть представлен следующим образом: подготовка и назначение экспертизы (деятельность следователя) – проведение исследования и дача заключения (деятельность эксперта). Все приведенные выше формы взаимодействия следователя и эксперта не всегда находят свою реализацию и в этом смысле являются факультативными. Факультативные формы взаимодействия могут быть выделены на различных стадиях производства экспертизы, в частности при ее подготовке и назначении, на этапе проведения исследования и при проверке результатов экспертизы.

Взаимодействие – процесс как минимум двусторонний, поэтому его можно рассматривать как элемент структуры деятельности любого из его участников. При изучении организационных и тактических

основ взаимодействия участников расследования преступлений оно рассматривается как элемент структуры деятельности следователя⁴. Это не означает, однако, что при таком подходе не принимается во внимание влияние действий следователя на другого субъекта (в нашем случае – эксперта) и его ответная реакция. Эти моменты обязательно учитываются при определении наиболее оптимального варианта поведения следователя в той или иной ситуации.

Прежде чем разрабатывать какие-либо практические рекомендации работникам следствия и вносить предложения по совершенствованию норм законодательства, регулирующих вопросы взаимодействия следователя и эксперта, необходимо выделить принципы этого взаимодействия, т. е. общие условия, соблюдение которых позволяет оптимизировать этот процесс. Ранее нами было выделено 13 принципов взаимодействия участников расследования преступлений⁵. Раскроем их содержание применительно к рассматриваемой паре субъектов:

1. Целесообразность привлечения эксперта в данной следственной ситуации.

Если некоторое обстоятельство дела достоверно установлено иным способом, нежели производство экспертизы, назначение последней является нецелесообразным. В ситуации, когда обстоятельство дела еще предстоит установить, и это с высокой степенью достоверности может быть сделано и путем производства экспертизы и путем проведения иных процессуальных действий, следователю, на наш взгляд, допустимо руководствоваться «утилитарными» критериями целесообразности, а именно: наименьшая продолжительность по срокам проведения, несложность в организационном отношении, экономичность и т. п.

Следует подчеркнуть, что главным критерием целесообразности выступает высокая степень достоверности информации, получаемой тем или иным предусмотренным законом способом. Если ни один из возможных способов получения сведений о фактах не может обеспечить высокой степени достоверности этих сведений, следователь обязан использовать все эти способы, в том числе производство экспертизы, невзирая на ее дороговизну, длительность, сложность в организации и прочие «утилитарные» факторы.

2. Предварительное планирование и прогнозирование процесса взаимодействия.

Планирование взаимодействия следователя и эксперта составляет неотъемлемую часть планирования всего процесса расследования

данного уголовного дела и осуществляется следователем в трех направлениях: а) планирование деятельности самого следователя; б) планирование деятельности эксперта (весьма в незначительной степени, но это возможно, например, путем определения очередности исследования объектов, представленных на экспертизу, согласно последовательности расследования эпизодов преступной деятельности); в) планирование совместной деятельности следователя и эксперта (например, проведения допроса обвиняемого при участии эксперта).

Планирование следователем взаимодействия с иным лицом с необходимостью предполагает прогнозирование поведения контрагента (в нашем случае – эксперта) в той или иной ситуации.

3. Четкое разграничение компетенции субъектов взаимодействия.

Эксперт не вправе осуществлять несвойственные ему следственные полномочия (самостоятельно собирать материалы для исследования, опрашивать участников процесса вне рамок следственных действий и т. п.); следователь, в свою очередь, не должен выполнять функции, составляющие исключительную компетенцию эксперта.

В литературе существует точка зрения, согласно которой следователь вправе давать эксперту обязательные для исполнения указания по поводу выбора методов исследования. Так, И. Л. Петрухин пишет: «В отдельных случаях суд и следователь могут обязать эксперта не только ответить на поставленные перед ним вопросы, но и применить с этой целью определенные методы исследования»⁶. Это ошибочная точка зрения. Эксперт «относительно свободен в выборе методических средств для решения поставленных перед ним вопросов (относительность обусловлена требованием соблюдения правил обращения с вещественными доказательствами); он независим в формулировке вывода от своих непосредственных руководителей, лиц, назначивших экспертизу»⁷.

Независимость эксперта обусловлена его особой ролью в уголовном процессе: он устанавливает новое доказательство. У следователя другие задачи и функции. В. А. Притузова подчеркивает: «Следователь и суд обязаны собирать доказательства, но не могут эти доказательства создавать»⁸. Участие в выборе метода экспертного исследования – это участие в выборе способа установления («создания») доказательства, а значит, участие в самом его «создании». Следователь не обладает такими полномочиями.

4. Правильное понимание субъектами стоящих перед ними задач.

Назначая экспертизу, следователь должен четко знать, какие фактические обстоятельства подлежат установлению по данному уголовному делу, и исходя из этого, а также с учетом возможностей экспертизы формулировать вопросы на разрешение эксперта.

Гарантией правильного понимания задач, стоящих перед экспертом, является правильная формулировка вопросов, которые должны быть предельно ясными, полными, составленными в соответствии с требованиями методических рекомендаций.

5. Надлежащее выполнение каждым субъектом своих функций.

В ситуации, когда один субъект (следователь) создает продукт, служащий в качестве предмета или средства деятельности другого субъекта (эксперта), особое значение приобретает надлежащее выполнение первым своих функций. Речь идет о действиях следователя по подготовке и оформлению материалов, предоставляемых в распоряжение эксперта. Качественное выполнение этих действий является непременным условием получения доброкачественного доказательства в оптимальные сроки.

6. Активный информационный обмен между субъектами взаимодействия (в пределах, допустимых законом).

Обмен информацией между следователем и экспертом может быть полезен на различных стадиях производства экспертизы.

На стадии подготовки и назначения экспертизы следователю необходима информация о ее современных возможностях, о правилах формулировки вопросов и отбора образцов для сравнительного исследования и т. п. Компетентным источником такой информации является эксперт, который может оказать следователю консультативную помощь по указанным вопросам.

На этапе проведения исследования следователь может выяснить у эксперта необходимость предоставления ему дополнительных материалов, уточнить план его работы. Однако он не вправе запрашивать у эксперта информацию о возможных результатах исследования, поскольку ч. 2 ст. 237 УПК Республики Беларусь⁹ запрещает допрашивать эксперта до представления им заключения.

Эксперт, со своей стороны, также нуждается в информации, которой обладает следователь. В соответствии с п. 1. ч. 2 ст. 61 УПК Республики Беларусь эксперт вправе знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы. И следователь обязан обеспечить своевременную реализацию данного права.

7. Полнота учета каждым субъектом возможностей, намерений и действий контрагента при выборе собственной линии поведения.

Прогнозирование процесса взаимодействия и информационный обмен между его участниками не являются самоцелью и осуществляются для корректировки действий обеих сторон.

Так, следователь, направляя труп на судебно-медицинскую экспертизу, может предположить, что эксперт в ходе исследования обнаружит некоторый предмет (например, пулю), требующий соответствующего процессуального оформления, и с учетом данного обстоятельства он принимает решение присутствовать при проведении этой экспертизы.

Ознакомление эксперта с обстоятельствами дела, имеющими отношение к предмету экспертизы, является необходимым условием проведения им экспертной инициативы.

8. Избежание субъектами побочных результатов своей деятельности, делающих невозможным выполнение контрагентами своих функций.

Данный принцип нашел свое непосредственное отражение в норме уголовно-процессуального закона, которая запрещает эксперту «проводить исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов экспертизы либо изменение их внешнего вида или основных свойств, если на это не было специального разрешения органа, ведущего уголовный процесс» (ч. 3 ст. 61 УПК Республики Беларусь).

9. Скоординированность действий участников обмена во времени и пространстве.

Соблюдение данного принципа приобретает решающее значение при проведении тактических операций, когда от согласованности действий большого количества субъектов по месту и времени зависит в конечном итоге успешность всей операции. Определенный смысл этот принцип имеет и для взаимодействия следователя и эксперта. Так, следователь, признав необходимым допросить эксперта для разъяснения данного им заключения, должен принять необходимые меры для того, чтобы эксперт был надлежащим образом извещен о времени и месте производства данного следственного действия.

10. Динамичность взаимодействия.

Следователь вправе приостановить и даже прекратить производство экспертизы в любой момент по различным мотивам (нецелесообразность, нарушение экспертом правил обращения с вещественны-

ми доказательствами и т. д.). Данное решение должно быть процессуально оформлено.

11. Точное и неукоснительное соблюдение субъектами требований уголовно-процессуального закона и норм профессиональной этики.

Деятельность участников расследования преступлений, в том числе следователя и эксперта, должна соответствовать процессуальным нормам. Не менее важным является соблюдение ими этических норм. «С точки зрения этики, – пишет О. К. Скроздер, – судебный ученый должен обеспечивать правдивыми научными фактами и честными научными заключениями»¹⁰. Недопустимо, чтобы эксперт сообщал следователю свое «неофициальное» мнение о результатах экспертизы, если оно не соответствует изложенным в заключении выводам, основанным на результатах использования научно обоснованной методики экспертного исследования.

12. Создание и поддержание благоприятной психологической обстановки общения субъектов.

Характерной чертой любого взаимодействия людей является наличие в нем субъективной (межличностной) стороны. Доброжелательная атмосфера общения следователя и эксперта является необходимым условием установления нормального делового контакта между ними. К этому должны стремиться оба субъекта.

13. Особая роль следователя, которая заключается в создании условий, обеспечивающих результативность взаимодействия, в том числе путем координирования действий субъектов, осуществляемого им в рамках полномочий, предоставленных законом.

Расследование преступлений – это профессиональная функция следователя, на нем лежит ответственность за ее качественное выполнение. Поэтому следует признать, что следователь играет руководящую роль во взаимодействии с другими субъектами, включая эксперта. Это проявляется в том, что следователь принимает решение о назначении экспертизы, осуществляет выбор эксперта, формулирует экспертное задание, при необходимости приостанавливает и досрочно прекращает производство экспертизы. Следователь может давать указания эксперту, если они не нарушают принцип независимости последнего. Ян Зэн, характеризуя полномочия следователя по отношению к судебно-медицинскому эксперту, отметил: «В действительности эксперт осуществляет вскрытие трупа при процессуальном, а не специально-техническом руководстве «следователя»¹¹.

Все рассмотренные принципы тесно связаны между собой, предполагают и взаимообуславливают друг друга.

Анализ правовых основ взаимодействия следователя и эксперта позволяет сделать вывод о том, что в нашем законодательстве этому вопросу уделяется значительное внимание. Однако основания для его дальнейшего совершенствования все же имеются.

1. В части 1 ст. 226 УПК Республики Беларусь закреплено правило, согласно которому «экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия необходимы специальные знания в науке, технике, искусстве или ремесле». Эта норма не претерпела существенных изменений даже по сравнению с УПК 1922 г., в котором определяющим моментом основания вызова экспертов была необходимость в специальных познаниях в науке, искусстве или ремесле (ст. 63)¹². Однако если в УПК 1922 г., еще не знавшем процессуальной фигуры специалиста, такую формулировку можно было признать допустимой, то в ныне действующем уголовно-процессуальном законе она явно нуждается в уточнении, поскольку теперь необходимость в специальных знаниях в науке, технике, искусстве или ремесле является основанием не только назначения экспертизы, но и привлечения в процесс специалиста для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий (ч. 1 ст. 62 УПК Республики Беларусь). На несовершенство рассматриваемой нормы в свое время обратили внимание В. Д. Арсеньев и В. Г. Заблоцкий, которые признали целесообразным уточнить редакцию соответствующей статьи «таким образом, чтобы видна была специфика **оснований назначения экспертизы...**»¹³. Другими словами, норма, закрепляющая основания назначения экспертизы, должна отражать сущностную характеристику последней, позволяющую отграничить ее от других форм использования специальных знаний.

В процессуальной литературе были высказаны различные точки зрения по вопросу о сущности экспертизы. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой сущность экспертизы заключается в исследовании, проводимом экспертом на основе имеющихся у него специальных знаний. Ее сторонниками являются А. В. Дулов, Р. С. Белкин, А. Р. Шляхов, В. А. Пritузова, И. Л. Петрухин, Е. В. Селина, Г. Н. Мухин и многие другие¹⁴. М. А. Чельцов и Н. В. Чельцова придерживаются другой позиции. Они усматривают сущность экспертизы в подведении определенных фактов дела под

«опытное положение» из области специальных знаний эксперта¹⁵. Мнение М. А. Чельцова и Н. В. Чельцовой было подвергнуто критике многими авторами, которые указали на неопределенность понятия «опытное положение» и его неспособность играть роль специфического признака экспертизы. М. М. Гродзинский высказал мнение, что таким признаком является применение специальных знаний для решения специальных вопросов, возникающих в ходе производства по уголовным и гражданским делам¹⁶. Такой широкий подход к пониманию экспертизы не соответствует положениям современной теории уголовного процесса, согласно которым экспертиза является только одной из форм применения специальных знаний наряду с участием специалиста в следственных и иных процессуальных действиях и использованием специальных знаний самим следователем (судом).

В настоящее время первая из приведенных точек зрения является общепринятой. Поддерживает ее и наш законодатель. Это следует из содержания ч. 3 ст. 61, ст. 95, 232, 233, 236 и других статей УПК Республики Беларусь.

С учетом вышесказанного предлагаем изменить формулировку ч. 1 ст. 226 УПК Республики Беларусь, изложив ее в следующей редакции: «Экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия необходимо проведение исследования и дача заключения по вопросам, требующим специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле». Реализация этого предложения позволит предотвратить смешение функций специалиста и эксперта на практике, которому способствует норма ч. 1 ст. 226 в ныне действующей редакции.

2. Необходимо признать неудачной формулировку нормы уголовно-процессуального закона, предусматривающей право эксперта на проявление инициативы. В ч. 2 ст. 61 УПК Республики Беларусь говорится: «Эксперт имеет право... давать заключения как по поставленным вопросам, так и по входящим в его компетенцию обстоятельствам, выявившимся при производстве экспертизы». Из содержания этой нормы непосредственно следует вывод о том, что дача заключения по поставленным вопросам является правом эксперта, а не его обязанностью, как это указано в п. 1 ч. 4 ст. 61. Во избежание возможных разночтений при толковании нормы п. 4 ч. 2 ст. 61 предлагаем переформулировать ее, изложив в следующей редакции: «4) давать заключения в пределах своей компетенции по выявленным при про-

изводстве экспертизы обстоятельствам, по поводу которых ему не были поставлены вопросы».

3. На наш взгляд, целесообразно несколько расширить объем правомочий следователя при присутствии его при проведении экспертизы. Мы руководствуемся следующими соображениями.

Присутствуя при проведении экспертизы, следователь имеет возможность лично воспринимать ход экспертного исследования. Однако он не всегда может адекватно воспринять содержание действий, производимых экспертом, потому что не имеет специальных знаний, которыми обладает последний. Это нежелательная ситуация, поскольку она затрудняет следователю последующий процесс оценки заключения эксперта.

Новый УПК Российской Федерации 2001 г. предоставляет следователю, присутствующему при производстве экспертизы, право «получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий» (ч. 1 ст. 197)¹⁷. Введение такой нормы следует рассматривать как важный шаг законодателя в направлении решения обозначенной проблемы. Вместе с тем эта норма нуждается в некотором уточнении, поскольку она может быть истолкована слишком широко. Так, разъяснения причин выполнения «этих» действий вместо выполнения «тех» являются разъяснениями «по поводу действий» и, соответственно, требование их следователем от эксперта следует считать правомерным, исходя из содержания ч. 1 ст. 197 УПК Российской Федерации. Однако указанные действия следователя являются недопустимыми, так как они позволяют ему определенным образом влиять на эксперта. Это своеобразный допрос эксперта до представления им заключения, прямо запрещенный нормами ныне действующих российского (ч. 1 ст. 205) и белорусского (ч. 2 ст. 237) уголовно-процессуальных кодексов. Возможные негативные последствия реализации следователем рассматриваемой нормы могут быть исключены, если ее конкретизировать, изложив в следующей редакции: «Следователь вправе... получать разъяснения эксперта по поводу содержания выполняемых им действий». Представляется целесообразным введение аналогичной нормы (в изложенной нами редакции) и в УПК Республики Беларусь.

4. До настоящего времени актуальной остается проблема, о необходимости решения которой вопрос был поставлен уже более полувека назад. Речь идет о проблеме обеспечения права обвиняемого и некоторых других участников процесса на отвод эксперта. Ее суть заключается в следующем. На практике следователь чаще всего не на-

зывает в постановлении о назначении экспертизы лицо, которому поручается ее проведение, а ограничивается лишь указанием экспертного учреждения. В этом случае лица, которые имеют право заявить отвод эксперту, лишаются возможности его фактической реализации на стадии назначения экспертизы.

Данная проблема имеет непосредственное отношение к проблеме взаимодействия следователя и эксперта. Несвоевременная реализация (на этапе ознакомления с заключением эксперта) участником процесса своего права на отвод эксперта с необходимостью влечет назначение новой экспертизы. Но ее проведение не всегда оказывается возможным в силу, например, значительного изменения свойств объектов экспертизы, произошедшего в результате предыдущего исследования. Даже если такой ситуации нет, производство двух экспертиз вместо одной – это существенная и в данном случае неоправданная потеря времени.

В юридической литературе были высказаны различные точки зрения по вопросу о способах решения этой проблемы. А. И. Винберг внес предложение об обеспечении работников следствия и суда специальным справочником, содержащим информацию обо всех экспертах-сотрудниках экспертных учреждений, что позволило бы следователю всякий раз самостоятельно выбирать эксперта и тем самым обеспечивать возможность реализации права указанных в законе лиц на его отвод¹⁸. На наш взгляд, рассматриваемая проблема не может быть полностью решена таким образом. В силу ряда причин (командировка эксперта, его болезнь, смерть и др.) руководитель экспертного учреждения не всегда может выполнить требование следователя о проведении экспертизы указанным им лицом. Не исключена возможность такой ситуации и в том случае, когда следователь, указывая в постановлении конкретного эксперта, предварительно ставит в известность об этом руководителя экспертного учреждения, как предлагает делать, например, И. Л. Петрухин¹⁹.

Несколько позднее А. И. Винберг выступил с предложением решить рассматриваемую проблему путем введения в закон права дачи заключения от имени юридического лица – экспертного учреждения. Мы согласны с автором, что в этом случае «понятие отвода эксперта как физического лица вообще отпало бы»²⁰, но считаем, что это не решение проблемы, а не что иное, как сознательный уход от нее. Для

того чтобы решить проблему, необходимо вначале выяснить ее природу, происхождение.

Возникновение проблемы обеспечения права обвиняемого и других лиц на отвод эксперта обусловлено тем, что законодатель, передавая руководителю экспертного учреждения полномочие следователя по поручению проведения экспертизы конкретному лицу, не принял во внимание то обстоятельство, что у следователя остаются иные полномочия (в частности, по обеспечению права определенных лиц на отвод эксперта), которые в силу тесной связи с указанным выше полномочием не могут быть реализованы без установления средствами правового регулирования обратной связи между руководителем и следователем.

Данное обстоятельство было учтено В. Д. Арсеньевым и В. Г. Заблочким, которые предложили закрепить порядок, обязывающий руководителя экспертного учреждения до проведения экспертизы направлять следователю подписку о предупреждении эксперта об ответственности²¹. Это предложение можно рассматривать как один из возможных вариантов решения данной проблемы. Следователь, получая указанным образом информацию об эксперте, имеет возможность сообщить ее лицам, наделенным правом на отвод последнего. Однако этот способ решения проблемы имеет один недостаток. В случае перепоручения руководителем СЭУ проведения экспертизы другому лицу по указанным выше причинам возникает ситуация, когда в материалах дела при одном заключении эксперта оказываются две подписки, хотя исследование проводилось одним лицом. Ныне существующий порядок включения текста подписки в заключение эксперта в этом отношении является более предпочтительным и, по нашему мнению, должен быть сохранен.

Наиболее оптимальным способом решения рассматриваемой проблемы является предложение И. Д. Перлова, А. В. Дулова и некоторых других авторов, которые считают необходимым возложение на руководителя экспертного учреждения обязанности сообщения следователю о поручении проведения экспертизы конкретному лицу²². Этот способ не имеет вышеуказанных недостатков и в то же время создает все необходимые условия для осуществления следователем своих полномочий по обеспечению права участников процесса на отвод эксперта. В УПК Российской Федерации 2001 г. этот вариант решения проблемы уже имеет законодательное закрепление. Так, согласно ч. 2 ст. 199 кодекса, «руководитель экспертного учреждения

после получения постановления поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту... и уведомляет об этом следователя». Представляется целесообразным закрепить аналогичного порядка и в УПК Республики Беларусь.

5. В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь нет нормативного акта, который предусматривал бы порядок и организацию проведения экспертиз вне экспертного учреждения. Учитывая крайне низкое качество указанных экспертиз, следует признать необходимость принятия такого документа.

При его разработке должны быть учтены два фактора: 1) возможное отсутствие у эксперта материально-технической базы, необходимой для проведения исследований (материальный фактор). В данном нормативном акте следует закрепить обязанность соответствующих лиц по предоставлению эксперту специального оборудования, иных технических средств; решить вопросы, связанные с их транспортировкой; предусмотреть материальную ответственность эксперта за сохранность предоставленного ему имущества (по меньшей мере, в виде отсылочной нормы на гражданское законодательство Республики Беларусь) и т. п.; 2) возможное отсутствие у эксперта достаточных знаний, необходимых для проведения экспертизы (человеческий фактор). Речь идет о вероятном незнании лицом, не являющимся сотрудником СЭУ, процессуальных аспектов производства экспертизы и правил обращения с вещественными доказательствами. Учитывая данную ситуацию, в предлагаемом нормативном акте необходимо закрепить обязанность органа, назначающего экспертизу, по разъяснению эксперту соответствующих правил и норм. Решение остальных вопросов, касающихся порядка и организации проведения экспертизы вне экспертного учреждения, которые не носят специфического характера (установление максимального срока проведения экспертизы и порядка его изменения; закрепление правил оформления результатов экспертизы и т. д.), должно быть, по нашему мнению, заимствовано из действующих в настоящее время инструкций о порядке производства экспертиз в экспертных учреждениях, в целях обеспечения единообразия в практике.

---

¹ Чуприна Е. П. Теоретические аспекты проблемы взаимодействия участников расследования преступлений // Юридические науки и образование. 2005. № 19. С. 104–112.

² *Николов Л.* Структуры человеческой деятельности / Под ред. Л. П. Буевой. М., 1984. С. 120.

³ Там же. С. 119–120.

⁴ *Чуприна Е. П.* Указ. соч. С. 111.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ *Петрухин И. Л.* Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 17.

⁷ *Зинин А. М., Майлис Н. П.* Судебная экспертиза. М., 2002. С. 217.

⁸ *Притузова В. А.* Заключение эксперта как доказательство в уголовном процессе. М., 1959. С. 10

⁹ Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 2000. № 32. Ст. 458.

¹⁰ Schroeder O. C. Ethical and Moral Dimensions in Forensic Science // Forensic Science. 1986. P. 28.

¹¹ Sehn J. Der Sachverständigenbeweis im gerichtlichen Verfahren // Rechtswissenschaftlicher Informationsdienst. 1956. № 21. S. 338.

¹² СУ. 1922. № 20–21. Ст. 230

¹³ *Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г.* Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 77.

¹⁴ *Дулов А. В.* Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1959. С. 108; *Белкин Р. С.* Собираение, исследование, оценка доказательств. М., 1966. С. 52; *Шляхов А. Р.* Судебная экспертиза: организация и проведение. М., 1979. С. 3; *Притузова В. А.* Указ. соч. С. 16; *Петрухин И. Л.* Указ. соч. С. 3; *Селина Е. В.* Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002. С. 84; *Мухин Г. Н.* Расследование преступлений. Молодечно, 2000. С. 211.

¹⁵ *Чельцов М. А., Чельцова Н. В.* Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954. С. 22.

¹⁶ *Гродзинский М. М.* Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе // Ученые записки Харьковского юридического института. 1955. Вып. 6. С. 61.

¹⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52(1). Ст. 4921.

¹⁸ *Винберг А. И.* Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 30.

¹⁹ *Петрухин И. Л.* Указ. соч. С. 195.

²⁰ *Винберг А. И.* Заключение по экспертизе от имени юридического лица // Социалистическая законность. 1974. № 12. С. 53.

²¹ *Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г.* Указ. соч. С. 87–88.

²² *Перлов И. Д.* Экспертиза по новому уголовно-процессуальному законодательству // Проблемы судебной экспертизы. 1961. № 1. С. 40; *Дулов А. В.* Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962. С. 191.

Поступила 18 апреля 2006 г.